

Критика

Валерий
СДОБНЯКОВ

Нижний Новгород

МЕНЯ ПОСТИГЛА РЕДКАЯ УДАЧА

О судьбе крестьянского поэта Бориса Шумилова – в его стихах

Разбирая коробку с книгами в Союзе писателей (она несколько лет стояла в архиве, в стороне от входа), заметил сборник Бориса Шумилова «Жажда» 1966 года, выпущенный Волго-Вятским книжным издательством.

Я немного слышал об этом поэте от некоторых местных литераторов старшего поколения.

Крестьянский самородок. Совсем молодым пареньком прошёл Великую отечественную войну. В 1943 году семнадцатилетний солдат попал на фронт.

После демобилизации десять лет работал в колхозе комбайнёром, окончил десять классов, учился в Литературном институте им. А.М. Горького в семинарах у классиков. Стихи публиковал в журналах «Новый мир», «Огонёк», «Крестьянка», газетах «Литературная Россия», «Советская Россия» – центральных всесоюзных изданиях с огромными тиражами.

У Бориса Шумилова вышло два стихотворных сборника: «Хромка» (1962) и «Жажда».

Но «оторванный от земли», от привычного повседневного крестьянского труда, окунувшийся в городское безделье профессионального провинциального писателя, крепко запил (об этом, собственно, все, кто ещё помнил Шумилова, больше всего и вспоминали) и в итоге, как поэт, погиб.

Хотя прожил ещё довольно долго – до 2000 года. Но уже не издал ни одной книжки. Да и писал ли стихи – неизвестно.

Похоронен Борис Шумилов в районном центре Большое Мурашкино, на местном сельском кладбище.

Имя поэта прочно забыто в Нижнем Новгороде. Оно не упоминается ни в одном из справочников местных литераторов, которые выходили тогда ещё в Горьком (их было четыре – 1970, 1976, 1978, 1984) – чего уж говорить о нынешних временах.

Странная и тяжёлая судьба.

Почему она так сложилась? Захотелось разобраться. А что лучше собственных стихов поэта расскажет нам об этом?

«Жажда» – тоненькая книжка в сорок страниц, отпечатанная на плотной добротной бумаге, а шрифт совсем маленький – читать только в очках.

*Меня постигла редкая удача:
в семнадцать лет, в свою поверив силу,
понять, что на плечах держу Россию.*

Это окончание первого стихотворения, открывающего сборник и посвящённого сразу и не состоявшейся первой любви («Мне не пришлось так рано целоваться./В семнадцать лет я был в наряд назначен»), и войне, и ответственности солдата перед Родиной.

Невольно ожидаешь, что и дальше поэт станет развивать эти заявленные темы. Но он ещё лишь дважды вспомнит своих боевых товарищей в стихотворениях «Солдатский погон» и «Ничего не тая...».

*Только слышу от них
указание справедливое:*

*ты во многое вник,
ты обмоткой орудовал ловко,
кудри русые стриг
не по-модному – под нулёвку.*

*Хватанул ты всего
и всего за войну навидался,
но счастливей того,
кто упал и уже не поднялся.*

Но уже следующее произведение дышит иным чувством, и жизненные приоритеты тут иные. Автор словно сам себя хочет в чём-то уверить, победить сомнения в себе.

*Понял я земли весенней запах,
понял лес. И травы на лугу.
И открылась тайна мне внезапно,
что красив парнишка на плугу.
Вот и весь секрет, как быть красивым.
Есть работа для горячих рук –
чтобы даром не пропала сила,
встану утром за железный плуг.*

И заканчивает Шумилов стихотворение «Жажда» так:

*Коль на то пошло – работать стану
так, чтобы завидовали все.
Так, чтобы другие догоняли,
чтоб задора в полный разворот,
чтобы шёл с работы – люди знали:
сразу видно – труженик идёт!*

Труженик – это, по Шумилову, пахарь, а не поэт. Ему мечталось о трудовой славе, а судьба вывела его на иную стезю, одарив поэтическим талантом, который признал даже автор великого «Василия Тёркина» Александр Трифонович Твардовский.

Раздвоенность, поселившаяся в душе поэта – мучительна. Это состояние вошло в его стихи.

Лишившись работы «для горячих рук», «задора в полный разворот» – Шумилов словно потерял опору, словно ушла из-под его ног земля, хранившая в себе живительный «весенний запах».

Понятно – я не знал Бориса Харлампиевича, всё воспринимаю со слов других. Но воспринимаю внешние события его жизни. Стихи же говорят о состоянии души. И мне кажется, что тут правда в моих ощущениях есть.

Для русского человека невероятно много значит понятие родина. Это чувство живёт в нём беспрестанно. Особенно если случается уехать из родных мест. Помнит он о ней и самым сладостным чувством бережёт в сердце.

Мне самому приходилось покидать отчий дом. И как же тогда моя душа рвалась обратно – к знакомым улицам, речным берегам, старым тополям... Да точно так же, как об этом пишет Борис Шумилов в стихотворении «Рожь».

Ольха сутулится по-вдовьи.
Промчался светлый летний дождь.
Над нами – небо молодое,
а перед нами –
рожь и рожь.

По-русски
ясно и неброско
она, певучая, как бронза
уж наклонила колос вниз.

Идём, идём погожей тропкой.
И кто-то вымолвил негромко,
совсем негромко:
дождались...

Нет
не голодный ветер зимний
мы оставляли за спиной.
Но памятью далёкой,
дымной,
но пережитую войной –
когда в окопах
были пахари –
ещё по горло
мы полны.

Давно окопы перепаханы,
беда прошла,
оставив сны.

И рожь
взметнулась к солнцу снова
и полный колос клонит вниз.

Священной самого святого
Нам это слово:
Дождались...

Всю книжку, а стихи Шумилова наполнены особой национальной энергетикой, подпитываемой опытом и памятью предков, поэт объясняет сам себе, кается, предупреждает, что совершил трагический шаг, удалившись от труда на земле, завещанного свыше – от Бога. Это его непреложное, нет без этого жизни.

Лишь снега
апрельский ливень смывает,
лишь в лесу
зальётся соловей –
ждёт земля,
озябшая зимою,
солнцем налитых
июльских дней.

Так и я,
её вскормлённый соком,
слышу,
как зовёт
среди бела дня:

*ты лети высоко, ясный сокол,
да смотри –
не забывай меня!*

*Так и я,
румяный словно слива,
мой апрель
неистов счастьем трав –
бей же,
бей меня, апрельский ливень!
Бей к земле,
и будешь в этом прав...*

Он понимает, к чему этот кровный обрыв ведёт:

*Наши парни,
лес из Волги чалили.
Наши парни
матерей печалили:*

*хвастались случайною добычею,
две недели
пили по обычаю.*

*Привыкали
к сну недорогому
Отвыкали
от родного дома.*

*Только мало
видели хорошего,
только их судьба ценила дёшево,
долго жить
красиво
не давала.*

*А потом их Волга отпевала...
(«Наши парни»)*

В этом духовный трагизм всей русской деревни начала 60-х годов прошлого века. Период её раскрестьянивания, бегство из неё намучившихся за десятилетия людей, у которых было сломано всё, что только можно было сломать: история страны и их родового корня, вера (поруганные и осквернённые церкви в каждом селе), трудовой уклад (налоги, повинности, вместо получения результата труда – палочки в книжке трудодней), ведение собственного подворья... Лишь семейный быт ещё теплился в стародавних традициях, но и по нему уже были нанесены безжалостные удары.

Пошла, побежала молодёжь в город, который их до конца так и не принял, за своих полностью не признал.

Тогда у многих и заняла душа.

Вот и Борис Шумилов в стихотворении «Зовёт и тревожит» признаётся:

*Память всё понимает,
видимо, не зря.
И вместе со мной вспоминает,
как ждали меня поля.
Было легко и трудно.*

*Знал я, что и почём,
делая круг за кругом
в поле золотом.*

И заканчивает произведение такими строками:

*Хочу назад оглянуться,
ласкаю колос тугой.
Видать, никуда не деться
от песни, запетой мной.*

Никуда не деться, потому, что всё на родине милей, есть там чем полюбваться:

*Ласков август месяц. Солнце вволю.
Пей его весь день – не захлебнись.
Но сегодня, покругившись в поле,
Пал на землю первый жёлтый лист.
И не зря сегодня на рассвете
Сразу, неожиданно, рывком
Задышал с Заволжья свежий ветер
Непривычно жгучим холодком.*

Есть чем и погордиться:

*Мне утрами, как всегда, не спится.
Я иду по утренней стерне.
Это мой комбайн убрал пшеницу,
И легко на сердце нынче мне...*

И тут встаёт противоречие воспоминаний с настоящей жизнью – поэтической судьбой:

*Синие холодные рассветы
Просятся в лирическую грусть,
Только я в осенние поэты
Не хочу. И, видно, не гожусь.
(Из стихотворения «Ласков август...»)*

В поэты не гожусь, комбайн тоже бросил...

Что же осталось?

Ведь не только хлебом насущным жив человек. Им-то худо-бедно город накормит. Нужна основа, незыблемость, нужна опора при разладе с самим собой – когда действительность неуютна, а всё светлое и доброе только в воспоминаниях. А в чём эту опору отыскать, где её взять?

Всё потеряно, всё оставлено в прошлом.

Потому эти строки из книжки и звучат, как эпитафия:

*Жил я трудно, не в лёгких заботах,
хлеб давался не лёгкой ценой.
Хлеб – он будет всегда заработан,
только выращен будет не мной.*

Так горько подвёл итог своего городского странствования русский крестьянский поэт советской эпохи Борис Харлампиевич Шумилов.